

Глава 5. То, что меняется

С тех пор как начался домашний арест, быстро пролетела неделя.

Всё это время я исправно делал то, что должен был.

У слуг я попросил лишь об одном.

Чтобы в свободной комнате флигеля установили тренировочные тренажёры.

Самое современное оборудование — заслуга семьи. Вернее, заслуга меня прежнего, который приложил к этому усилия.

Каждый месяц семья присылала мне огромную сумму — язык не поворачивался назвать это карманными деньгами, — и я вкладывал её в активы.

Похоже, у меня был к этому талант, и, хотя семья об этом не знала, я и оглянуться не успел, как сумма многократно выросла.

Раньше я тратил эти деньги на подарки семье, но теперь в этом нет нужды.

Может, и не совсем верно называть эти деньги своими, но я намерен распорядиться ими с умом.

Как первый шаг к этому я и обустроил тренировочную комнату.

От одного вида тренажёров настроение взлетело, и в первый день я даже издал странный крик, перепугав слуг.

С тех пор каждый день до наступления темноты я запираюсь в этой комнате. Разумеется, делаю перерывы и не переусердствую. Если подорву здоровье, всё пойдёт насмарку.

Поэтому, хоть я и безвылазно сижу здесь, иногда провожу время за чтением книг.

Душевая, холодильник, раскладная кровать — всё есть, так что при желании здесь можно жить.

Хоть это и считается наказанием, нынешняя жизнь для меня — сущий рай. Было бы славно, если бы всё так и закончилось без происшествий.

Но жизнь, наверное, устроена иначе.

— Молодой господин Со, к вам прибыл господин Хадзимэ.

— Просите.

Какое у него ко мне дело?

— едва не сорвалось с языка, но я дал разрешение войти.

И тут же услышал звук открывающейся двери.

— Прошу прощения.

Не прекращая заниматься на тренажёре, я бросил взгляд на вошедшего старшего брата.

Он словно бы с опаской окидывал взглядом комнату. Наверное, не знает, как быть, потому что я не начинаю разговор.

Хотя у нас и не те отношения, чтобы проявлять такую заботу. Что он задумал?

Да и зачем вообще пришёл? Если есть дело, так разве нет?

— Вам что-то понадобилось?

Я-то думал, что веду себя тихо, но, может, сам того не зная, я чем-то его задел? Если намерен придаться — я тоже готов к ссоре.

— Да нет, я...

Я ожидал претензий, но старший брат почему-то мялся. Блуждал взглядом и почёсывал затылок. Шею, что ли, во сне зажал?

Поняв, что сейчас не до тренировки, я отошёл от тренажёра. Вытер пот полотенцем, запил водой из бутылки.

Всё это время я не обращал на старшего брата внимания.

Может, ему уже уйти? Он просто стоял, вызывая у меня именно такие мысли, и я невольно

бросил на него холодный взгляд.

— Если у вас нет дела, это слежка? Если беспокоитесь, соблюдаю ли я арест, — будьте добры, спросите у слуг, я ни разу не покидал флигель без разрешения.

— Не...

— Если не слежка, тогда что?.. А, понял. Вы пришли сказать, чтобы я пошёл и извинился, — ведь я до сих пор не извинился за тот удар?

Больше в голову не приходило ни одной причины для визита. И правда: чтобы показать, что я раскаиваюсь, я пребывал под арестом, но лично младшему брату ни слова извинения не сказал. Я думал, можно обойтись и без этого: мне нельзя покидать флигель, да и он вряд ли захочет меня видеть.

Однако это были лишь мои предположения, а что думает он сам, я не выяснял.

— Это была моя недальновидность. Я бы хотел сейчас же пойти извиниться, но поскольку я под арестом, не могли бы вы сперва получить разрешение на мой выход наружу?

Даже если он спровоцировал первым, виноват я, потому что ударил. Я ведь и отцу всё передал, вот и решил, что дело улажено, — и ошибся, оставив вопрос без внимания.

Я весь в поту. Переоденусь и пойду к младшему брату.

— П-погоди.

Когда я уже хотел позвать слугу, чтобы тот получил разрешение у отца, подал голс молчавший всё это время старший брат.

— Что такое?

Если извиняться, то чем раньше, тем лучше. Я думал начать прямо сейчас — почему же он меня останавливает?

— Я пришёл не по поводу Акидзи. Хотя и не скажешь, что совсем без связи.

— Ну.

— Говорят, ты безропотно соблюдаешь арест. И начал тренировать тело.

— Ну.

Значит, пришёл проверить, действительно ли я изменился. Тогда это та же слежка, только под другим названием.

— Как видите. Если вас беспокоят бесполезные траты — личные средства, я и монеты не взял из семейных денег. Я и оставшийся срок буду вести себя смирно, так и доложите.

— Нет. Я... э-э... Понял.

Он начал было что-то говорить и осёкся, но я ни о чём не спросил. Мне уже было неинтересно, как обо мне думают другие.

— Когда арест закончится, я как следует извинюсь. Ах да, если он даже лица моего видеть не хочет, — передайте ему, что я раскаиваюсь и больше никогда не попадусь ему на глаза.

Когда я бросил эти слова вслед уходящей спине, его шаги замерли.

— ...Изменился, — пробормотал он.

Сорвавшееся с губ — видимо, неосознанно — слово долетело до моих ушей.

Он даже не повернулся в мою сторону, и я, тихо вздохнув, ответил:

— Мне ничего не оставалось, кроме как измениться.

Старший брат ничего не сказал и молча вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/18080/1739676>